

Г.С. Батыгин, И.Ф. Девятко

МИФ О «КАЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ» *

Батыгин Геннадий Семенович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Девятко Инна Феликсовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант 93-06-10046

Во вступительной главе к первому тому «Социальной и культурной динамики» П.А. Сорокин обсуждает возможность собирания элементов культуры в пространственно-механическое единство. В числе собираемых объектов он называет ценности и идеи, а также куски бумаги, разбитые бутылки, жестянки, обрывки одежды, выброшенные ложки, кухонные отбросы, домашние вещи, золу, инструменты — «все эти предметы только что были сметены в кучу или собраны, и данное обстоятельство является единственной объединяющей их связью» [1]. Автор «Динамики» говорит далее о вещах интеллектуального происхождения, тоже не поддающихся внутреннему логическому и функциональному структурированию, — и снова называет их «кучами» (congeries). Проблема заключается в том, что «куча» не может быть понята и объяснена как самодостаточный феномен культуры, обладающий внутренней устойчивостью идеи. Поэтому требуется обращение к внешним, нередко случайным обстоятельствам, которые предопределили встречу в мусорном ящике, скажем, странички из платоновского «Государства» и рекламного буклета автомобильной компании.

Вокруг кучи

Дилемма «качественное-количественное» находится в центре сооружаемой ныне грандиозной эпистемологической кучи и, по мнению многих специалистов, является современным и модным сюжетом, используемым для развертывания нового витка полемики о предмете социологии. Вместе с тем к этому сюжету нелегко подступиться: он ускользает от анализа, как стоимость от буржуазных политэкономов, почти всегда речь идет о чем-то рядоположенном. Даже попытка строгого описания дилеммы влечет за собой необходимость вычленения и описания иных слоев и ракурсов, в том числе имеющих уже устоявшуюся сомнительную репутацию. Достаточно упомянуть противоположение «позитивистской» и «гуманистической» моделей социального познания, эмпирического обоснования социологии и дискурсивного характера общественной науки. Действительно, можно подумать, будто социология разрывается между двумя полюсами.

Дело не сводится к социологии. Еще в начале века аналогичные

антитезы формулировались как несопоставимость номотетических и идеографических суждений в рамках общего учения о методе, а в 60-е годы каждый образованный европеец знал о «Двух культурах» Чарльза Перси Сноу. Советская интеллигентная публика была занята тогда культмассовой полемикой между «физиками» и «пириками». Научное же обоснование дилемма получила посредством обнаружения «правополушарных» и «левополушарных» субъектов. Так завершилась многовековая антиномика эйдоса и логоса, преодолеваясь временами лишь теми, кто, подобно Платону, Гете и Гуссерлю, умел видеть идеи. Что же касается дилеммы «качественных» и «количественных» методов, обсуждаемой в социологии, то она имеет отношение к противостоянию логоса и эйдоса лишь в той мере, в какой может скрыть свое незаконнорожденное происхождение за претензией на принадлежность к двухтысячелетней традиции.

Сомнительность этой дилеммы распознается сразу же, как только возникает вопрос о генеалогии: что ее породило — логика научного знания или обстоятельства научной жизни? Собственно, она потому и ускользает от анализа, что участники дискуссии не хотят заглядывать в ее метрики. Часто проблема создается из словесных недоразумений: качественные (номинальные) признаки в анализе данных ничего общего с «качественным» подходом не имеют. Во всяком случае, когда в 1972 г. П. Лазарсфельд опубликовал сборник своих классических статей под общим названием «Качественный анализ» [2], никому и в голову не могло прийти, что «качественным» станет называться как раз принципиальное отрицание той строгой методической изысканности, которая отличала лазарсфельдовский стиль. А в начале 90-х годов напоминание об отсутствии непроходимой пропасти между качественными и количественными данными кажется несколько старомодным [3].

Не обременяя себя разграничением возможных смыслов, диспутанты обычно выбирают не методологические позиции, а стороны эпистемологической кучи. Соблазн тут достаточно велик, так как односторонности действительно связаны между собой не только исторически, но и идейно. Скажем, по левую (условно) сторону обычно обнаруживаются и антинатурализм, и методологический релятивизм, и недоверие к объективности как таковой, либо к объективному эмпирическому доказательству. Здесь, слева, часто располагаются лагерем наиболее «теоретические» марксисты (Л. Альтюсер), феминистские критики традиционного социологического анализа, этнометодологи. Своих оппонентов, оказавшихся справа от воображаемой разграничительной линии, они нередко списком зачисляют в «позитивисты». Впрочем, уже признано, что слово «позитивизм» не имеет ни строго определенного смысла, ни замкнутого множества эмпирических референтов [4]. Теперь значительно чаще используются «эмпиризм» и «мужской шовинизм», еще не вполне утратившие терминологическую определенность. На первый взгляд, общей платформой «левого лагеря» является некий антисциентистский импульс, однако и сам антисциентизм скрывает в себе возможность дальнейших аналитических разграничений: антисциентизм этнометодологов скорее основан на идеях интерсубъективности и зависимости социального знания от контекста, т. е. в интересующем нас плане

может рассматриваться в качестве одной из версий эпистемологического релятивизма (если не нигилизма). Марксистская же теория и близкие ей версии структурализма строят критику науки и научного истеблишмента на идее неразделимости знания, интереса и власти (хотя некоторые из теоретиков принимают заодно и тезис о дискурсивной природе теории).

Феминистская критика социальной науки также охотно использует идею воспроизводства сложившихся властных отношений при получении и распределении знания, в результате чего сам доступ к познавательным ресурсам представляется структурированным и организованным в интересах сохранения мужского господства в науке. Однако феминистская методология менее восприимчива к глубинным эпистемологическим постулатам теоретического марксизма, касающимся обманчивой, фантомной природы эмпирически наблюдаемых социальных фактов, за которыми замаскированы истинные механизмы событий: «классовые интересы» марксистов или даже «структуры» К. Леви-Стросса; она лишь ставит под сомнение объективность «мужской» интерпретации общества и преимущественное право патриархов означивать, классифицировать и интерпретировать объективные эмпирические данные, не посягая на саму идею объективности и эпистемический статус наблюдаемой реальности. Поэтому в работах, выполненных в феминистской традиции, наряду с критикой сексизма в официальной статистике [5], часто присутствует и вполне обычная статистическая аргументация, почти немыслимая в структуралистских эссе. Вместе с тем, феминистское теоретизирование в социальных науках нередко опирается на наследие «понимающей» социологии, и здесь оно ближе к этнометодологии. Именно убежденность феминистских теоретиков в существенности качественного понимания социальных явлений (*Verstehen*), дополненная гуманистическим идеалом и импульсом освобождения от «нормальной», устоявшейся социальной структуры, приводит их в лагерь качественной методологии. Однако отмеченная выше умеренность критики научного познания со стороны феминистской теории препятствует принятию наиболее радикальных позиций в спорах о качественном и количественном, происходящих уже на «территории» философии науки — например, в битве натурализма и антинатурализма, в которой больше всего шансов у третьей стороны — «денатурализованного» эмпиризма в духе Куайна. Все эти запутанные обстоятельства с неумолимостью физического закона ведут к появлению «химер», ломающих любые аналитические и пространственные («лево-право») разметки. Такова компьютерная программа для обработки результатов качественных, этнографически ориентированных и феминистских эмпирических исследований. Программа называется «Nudist» и имеет достаточно серьезное методологическое обоснование [6].

Излишне говорить, что по «правую» сторону часто попадают не менее разнородные квазисоюзники, позиции которых в некоторых существенных отношениях далеки или даже противоположны. Ограничимся одним примером. И для «жестких» социологических методологов, преимущественно американцев, и для занимающихся метатеорией «реалистов» (Р. Бхаскар, Р. Харре) большая часть критики «слева» — это идеологическая оппозиция самой науке как рациональному предприятию. Такая оценка обычно не

распространяется на феноменологическую критику. Однако в «слое», где расположены традиционные дилеммы философии науки, единство «жесткой» методологии и реализма оказывается проблематичным.

Представления большинства «жестких» социологических методологов распределены (очень приблизительно) вдоль континуума «логический позитивизм — критический реализм — эволюционная эпистемология». Изрядная часть «жестких» методологов полагает, что единство метода различных наук так или иначе обеспечивается существенной ролью эмпирического подтверждения научной теории. Реализм же строит защиту научного метода на постпозитивистском образе научного исследования, где пересматривается природа самой науки. Реалисты отвергают позитивистское убеждение в решающем значении эмпирических наблюдений, в примате, так сказать, языка наблюдений, позволяющих проверить утверждения науки, однако не отрицают ни самого наличия эмпирически наблюдаемого мира, ни важности для теории неких «наблюдаемых фактов». Разумеется, как и для любой философии науки, возникшей после логического позитивизма, для реализма не существует никаких «чистых сенсорных данных» и всякое наблюдение является теоретически нагруженным. Он не доходит до полной релятивизации фундамента науки и, конечно, не заявляет, что все «наблюдаемые факты» полностью определяются теориями или, того пуще, ценностями и интересами исследователя. Как и некоторые другие теоретические перспективы постпозитивистской эпохи, реализм склоняется к идее «сетевой структуры теоретических понятий» (определяемых взаимно) и модели относительного эмпирического подтверждения, то есть подтверждения теоретических гипотез относительно совокупности других теоретических гипотез. Этой ценой ему удастся спасти не только идеал научности, но даже давно скомпрометированный тезис единства метода. Разумеется, реал истекая картина того, «что на самом деле делают ученые», радикально отличается от логико-позитивистской. Не обсуждая здесь детали этой картины, отметим лишь тот существенный факт, что в центре ее оказываются онтологические «порождающие механизмы», ответственные за многообразие эмпирически наблюдаемого. Определенная теоретическая модель действия порождающего механизма организует сам язык наблюдения, создавая условия для того, чтобы «эмпирические факты» либо «наблюдаемые регулярности» случались (или не случались). Сказанного достаточно, чтобы заметить и оценить удивительное сходство реалистской и марксистской «онтологии», где предполагается, что истинные механизмы социальной реальности скрыты за фасадом видимого, и вполне логично, например, трактовать классовые интересы «в себе» как генеративные механизмы любых конфликтов. С реализмом и марксизмом соседствуют иные почтенные «онтологии», например, психоанализ с идеями «симптомов», «сил» и «истолкования». Этот пример еще раз иллюстрирует бесконечные инверсии «левого» и «правого» в путанице фундаментальных эпистемологических проблем, когда марксизм, критикующий буржуазную объективность науки, поначалу числился «слева», а реалистская метатеория, сохранявшая веру в научный метод, — «справа».

Желающие включиться в дискуссию о качественной и количественной методологии должны сознавать, что им придется сталкиваться с философскими «скелетами в шкафу» при обсуждении простейших понятий. Поэтому самые сильные аргументы, используемые при критике социологического анализа переменных (в духе Лазарсфельда), в неомарксистской критической социологии и в реалистской перспективе практически совпадают (достаточно сопоставить позиции Ф. Поллока [7] и Р. Поусона [8]).

Возможно, риторический вопрос — а стоит ли вмешиваться в давние эпистемологические распри ради того, чтобы узнать, какая из методологий лучше, — вовсе не является выводом из сказанного. И даже ссылки на то, что некоторые другие эпистемологические кошмары, несмотря на их очевидную тематическую связь с проблематикой качественной и количественной методологии, нами пока даже не упоминались, не остановят взыскующих истины. Для того, чтобы представить возможный диапазон антиномий, возникающих вокруг обсуждаемых подходов, достаточно вспомнить философскую литературу, посвященную «количеству», «качеству», «мере», «причинности», «закону», «свободе воли». Здесь нет конца.

Обратимся к иным аргументам. Прежде всего, дело не сводится к тому, что квалифицированное обсуждение проблемы требует разрешения каких-то философских споров. В строго логическом смысле сами эти споры неразрешимы. Каковы бы ни были индивидуальные философские предпочтения и чем бы они ни определялись (нам кажется, здесь важнее всего темперамент), большинство согласится с тем, что в основаниях сколь-нибудь серьезных эпистемологических диспутов легко угадываются какие-то предельные противоречия, связанные с природой человека и человеческого познания. И, следуя совету философа, эти противоречия лучше всего «оставить, как они есть».

Утверждая, что в глубинных своих основаниях ряд вопросов, возникающих в дискуссии о количественном и качественном подходах (назовем ее для краткости «Q / Q-дискуссией»), неразрешим, мы не стремимся доказать, будто все они бессмысленны. Однако в ходе беглого обзора (или, вернее, не в меру затянувшейся экспозиции) у нас была возможность заметить: некоторые из столкновений, происходящих на (или «в»?) куче, действительно таковы, что их смысл не поддается логичному и последовательному описанию в терминах самого противостояния, без отсылок к историческим контекстам, чувствам и идеологиям. Именно дискуссия, которая не может быть разрешена принятыми в дискуссиях средствами (т. е. без упомянутых отсылок, споров о ценностях и «критики оружием»), по праву заслуживает наименования «бессмысленной». Еще раз оговорим, что обозначение «бессмысленная» употребляется здесь исключительно в указанном выше понимании. Мы вовсе не считаем, что предмет спора отсутствует, участники не видят своих нелепых заблуждений, а саму дискуссию нужно запретить из методологических соображений.

«Q / Q»-дискуссия не может быть понята и исторически верно реконструирована без упоминавшихся отсылок к контекстам, интересам и идеологиям. Именно поэтому она не может быть разрешена в каком-либо строгом смысле. Д. Сильвермен, неоднократно писавший о качественных методах, пришел к выводу:

«Проблема с модами (интеллектуальными — Г. Б., И. Д.) состоит в том, что они часто прямо противоположны критическому мышлению: "линия партии" куда легче сочетается с выкрикиванием лозунгов, чем с подлинной работой. Из этого наблюдения я заключаю, что полярности, на которых базируется различие "качественное — количественное", должны быть (используя модный термин) деконструированы» [9, р. 58]. Иначе говоря, следует понять, почему различные исследовательские «практики» и проблемы в одних случаях тематизируются как «качественные», в других — как «количественные». Почему какие-то, зачастую весьма старые, дилеммы социологии или социологические перспективы — например, «структура» и «действие» либо «социальная наука» и «социальная политика» — вновь используются как аргументы и альтернативы в дискуссии о «качественном» и «количественном»? Почему, наконец, следует выбирать между «количественным» и «качественным», как если бы это был выбор между действительно различимыми возможностями?

Призрачное противостояние

В полном соответствии с labelling theory, нынешние сторонники качественной методологии, т. е. социологи, называющие себя так и (или) принимаемые за таковых коллегами, безусловно, сделали первый ход. Именно они ввели в социологический язык саму классификацию и предприняли последовательные попытки определить ее критерии, дабы выявить аутсайдеров. Фундаментом этих попыток стала критика количественных подходов, содержащаяся в классических текстах современной «качественной» традиции [10–13]. Концепция качественной методологии, которая может быть воссоздана из этих действительно блестящих книг, относительно стройна в том, что касается «онтологии» социального. (Впрочем, и теоретические перспективы могут различаться. Книга А. Сикьюрела, например, ближе к традиции, восходящей к А. Шютцу, тогда как Х. Шварц и Д. Джейкобе основываются на идеях Г. Зиммеля.) Куда менее согласованы собственно методологические взгляды. Здесь само понятие качественной методологии утрачивает определенность, простираясь от этнометодологии как теории и практики до строго квалифицируемого этнографического метода «включенного наблюдения», возводимого к культурной антропологии и Чикагской школе. Поиск же общего и различного во взглядах качественных методологов на то, что собственно является «демаркационной линией» для качественной методологии, ведет именно к той эпистемологической куче, которую мы уже покинули. Ирония истории заключается в том, что именно проблема демаркации стала могильным камнем логического позитивизма, искавшего, правда, различия между «наукой» и «ненаукой».

Критерием «качественности» исследования должно стать нечто вроде переживательного отношения научного сотрудника к своему объекту. Трудно сказать, все ли качественные методологи верят (или должны верить) в интеллектуальную эмпатию-любовь к угнетенным. Один из основателей этнографического метода Бронислав Малиновский в сумятице Первой мировой войны был выслан в

тихоокеанские колонии и позднее опубликовал несколько классических монографий о жителях Тробриантовых островов. Многие антропологи и социологи полагали, что труды Малиновского — великолепная иллюстрация метода полевой работы, основанного на эмпати-ческом вживании в смыслы и ценности иной культуры. Выход в свет личного дневника ученого (1967) стал настоящим ударом для профессионального сообщества. Не предназначенный для широкой аудитории документ изобличал в авторе крайне эгоцентричного невротика, занятого исключительно собой и не испытывавшего к тробриандцам ни эмпатии, ни симпатии. Как справедливо отмечают Дж. Керк и М. Миллер, «это разоблачение компрометирует не достоверность или качество профессиональных достижений Малиновского, а миф о том, что хорошее полевое исследование возникает из святого сочувствия выдающихся знатоков человечества» [14]. Приведенный пример обнаруживает близость дискуссии о «количестве» и «качестве» в социологии противопоставлению «эмрика-этика» в культурной антропологии, где «эмическое» отождествляется с описанием культуры «глазами туземца», а «этическое» — с «навязанным» исследователем описанием. Блестящий сравнительный анализ этих двух псевдодискуссий, заметно тяготеющий к идеям Куайна и Витгенштейна, можно найти в статье Р. Фелеппы об изучении культурных типов в антропологии [15].

Конечно, многие проблемы, обсуждаемые в серьезных работах, посвященных использованию этнографического метода «включенного наблюдения» [13] или «биографического» метода [16], вполне реальны. Но проблемы эти равно существенны и для тех, кого принято называть «количественными» методологами. Отдавая должное влиянию феноменологической и марксистской критики на развитие количественных методов в социологии последних четырех десятилетий, следует заметить, что история становления социологического измерения содержит много доказательств систематического и часто плодотворного интереса «позитивистов» к проблемам рефлексивности, значения культурного контекста и определяющей роли теории [17].

Чем корректнее определяется «позитивистская методология» в текстах, посвященных качественным методам, тем очевиднее фантомность этого понятия. «Позитивистскую методологию» обычно обвиняют в игнорировании «естественно случающихся» фактов и преимущественном интересе к стандартным опросам и официальной статистике. Еще один видовой признак «позитивизма» усматривается в использовании модели объяснения, подменяющей поиск логических или причинных связей статистическим выводом и корреляциями [18]. Соответственно, принято считать, будто валидность «позитивистских» исследований основана на статистическом методе и понятии репрезентативности, тогда как качественный подход связывает свое понимание валидности исследования с обоснованностью его теоретической базы («качественная методология всесильна, ибо она верна»).

«Сконструированный» характер обвинений в одержимости традиционных методологов сугубо техническими проблемами и статистикой вполне очевиден. Даже концептуализация понятия валидности у современных «позитивистов» явно опирается на идею

проверки, выводимой из содержательной социологической модели измерения (краткий обзор можно найти, в частности, в работе [19]).

Но так ли непроблематичны естественность и чистота «естественных» данных? Даже классический образец «включенного наблюдения» — книга Уильяма Фута Уайта о жизни бедных итальянских кварталов [20] — не содержит никаких очевидных гарантий от возможных «смещений», связанных с активным участием автора в происходящих событиях. Полученные им сведения о структуре взаимодействия в уличной шайке во многом основывались на личном, взаимообогащающем и скрепленном разными мелкими услугами сотрудничестве Уайта с Доком и его ребятами (что неоднократно подчеркивается в книге). Разумеется, это не доказательство «нищеты этнографизма». Но это явное подтверждение общности проблем по обе стороны методологической границы.

Книга Уайта прекрасно иллюстрирует еще одну особенность качественных методов: риторические приемы, обеспечивающие читателю убедительность заключений, к которым приходит исследователь, приобретают еще большую внушительность за счет того, что описание событий подкрепляется элементами личного психологического опыта. Дж. Платт, осуществившая проницательный анализ приемов научной риторики, используемых в монографических «исследованиях случая», отметила, что в силу именно этой особенности книга Уайта для многих читателей сама стала «случаем» — «случаем Уайта», в некотором роде классическим *романом воспитания* (Bildungsroman), повествующим об инициации героя, его посвящении в обряды и ценности чуждого мира. «Единственный способ — и способ весьма эффективный с точки зрения риторики — достичь определенного вывода и подвести к нему же вашего читателя — это рассказать ему о том, как вы сами туда пришли. Это почти наверняка предполагает показ того, как вы поначалу ошибались и как вы были поражены тем, что вам открылось. Эта стратегия весьма отличается от “научной стратегии”, умалчивающей о роли конкретных людей в получении данных результатов и опирающейся на гипотезу, которую удалось подтвердить» [21, p. 29].

Излишне говорить о том, что в изложении результатов «количественного» исследования, как и в обосновании выбора проблемы и способов анализа, также присутствуют неявные нормы риторической убедительности. Разрыв между тем, что выполнял исследователь «на самом деле», и тем, как он представил свои результаты, неизбежен как неизбежен разрыв между жизнью и рассказом о ней. Однако из невозможности прямого сведения дискурса к реальности нельзя вывести доказательство превосходства и большей естественности «качественного» дискурса в сравнении с «количественным». Более того, качественный этнографический подход, как правило, не предполагающий жестких требований к десубъективации изложения, сам становится уникальным материалом для культурно-антропологического описания жизни социологического «общества», и «мы, возможно, кончим чем-то вроде «"Случая исследователя, который знал слишком много"» [21, p. 47].

Политика науки и квазинаучные «практики»

Социологи часто сталкиваются с проблемами и дилеммами, которые являются (либо считаются) методологическими. Например, проблема может осознаваться как противоречие между сухостью теории и богатством жизненного опыта. Иногда трудно примирить желание объяснить мир со стремлением его преобразовать. А бывает и так, что зыбкими кажутся коренящиеся в неререфлексируемом обыденном знании «объективность», «рациональность» и даже «эмпирическая наблюдаемость». Некоторые из этих и прочих проблем существенны и в определенных исторических и смысловых контекстах почти неразделимы; другие возникают под влиянием дурной метафизики и требуют лингвистического анализа. Но в свете всего вышеизложенного бессмысленно рассматривать их как следствия или проявления одного фундаментального «количественно-качественного» противоречия. «Q / Q»-дискуссия может способствовать разрешению этих проблем в той же мере, как и дискуссия о «физиках и лириках». Имея смысл в строго очерченных границах, подобные диспуты вырождаются в идеологическую и политическую склоку в тот самый момент, когда полюса смысловой оппозиции глобализируются.

Здесь мы подошли к теме неизбежности бессмысленных дискуссий. Тема эта, как видно из предыдущего рассуждения, одинаково тяготеет и к политической социологии, и к социологии науки. Если фундаментальное противоречие между количественной и качественной методологиями в социальных науках призрачно, то существование различных исследовательских «практик» неоспоримо. Ясно также, что «практики» эти могут быть подвергнуты оценке с самых разнообразных позиций: здравого смысла, профессиональных критериев научного сообщества или даже этоса науки как таковой. Уже с точки зрения здравого смысла нельзя, например, оспорить результаты научного исследования, публикуемого в газете.

Профессиональные критерии, при всем их несовершенстве, вполне пригодны для различения «плохих» и «хороших» исследований. На этом уровне действительно можно и стоит говорить о непрофессиональных опросах, бессмысленном жонглировании цифрами, подмене внятных теоретических представлений коэффициентами корреляции и прочем «позитивизме». Но столь же легко обнаружить примеры тенденциозного глубинного интервьюирования «элитных групп», бойкого журнализма «из гущи» народной жизни и других маргинальных по отношению к профессии «деятельностей», охотно использующих модную риторику «качественного подхода». Доступность плохих примеров не должна нас обнадеживать. Никакая полиция нравов не сможет отделить истинную науку от псевдонауки. И критерии оценки исследований, и профессиональная автономия социологов — одновременно средство и результат их собственной повседневной практики. Ведя диспуты на модные темы, мы (авторы данной статьи — в первую очередь) вносим вклад исключительно в риторику науки. В кризисном научном сообществе это занятие небезобидно, ибо критерии не очень крепки и любителей риторики вполне достаточно. Попытки утихомирить спорящих призывами к

«методологическому плюрализму» лишь придают законный статус бессмысленной дискуссии и, возможно, обнадеживают тех стихийных последователей П. Фейерабенда, которые полагают, что «все сойдет».

Сторонники методологического плюрализма ищут обоснование своих взглядов в куновской концепции истории науки. Признавая, что источником, питающим большую часть принципиальных дискуссий, является политика науки, а не ее «логика», плюралисты верят: лишь достижение компромисса и согласия между «множественными парадигмами» социологии сможет перевести последнюю в состояние «нормальной науки». Однако само согласие, нормализующее науку, вовсе не вытекает из успешного посредничества в идеологических и политических битвах. Оно, как следует из куновского анализа и как убедительно продемонстрировал П. Рот [22], сопутствует появлению «образцового» решения проблемы. Иными словами, действительные результаты делают возможной «нормальную» жизнь научной дисциплины, но не наоборот. Когда эпохальных результатов нет, многим неизбежно приходится коротать время в псевдопарадигматических дискуссиях.

Немаловажно и то обстоятельство, что «нормальные» социологические исследования обычно требуют больших затрат. При этом результаты анализа статистических распределений выглядят вполне заурядными даже тогда, когда за ними стоит огромная работа. Далеко не каждый знает, что если какая-то цифра кажется интересной или необычной, наверняка эта цифра ошибочна или случайна. Во всяком случае, нормальные научные сотрудники не стремятся поразить публику неординарностью своего мышления и знанием жизни. С другой стороны, сотни самых детальных описаний и «историй жизни» не могут дать результатов, сопоставимых с результатами нормальной научной работы, если их не орнаментировать словами о «точке зрения», «подходе», «позиции». Соискатели вынуждены открывать «качественно» новое знание, что называется, по нужде, если даже оно не идет ни в какое сравнение со старым. В ходе борьбы нового со старым утверждается и ребяческое отношение ко вчерашнему опыту как никчемному. Отмеченный Й. Хейзингой дух безоглядного пуэрилизма [23] и здесь начинает добиваться успеха. Стоит ли принимать неизбежное? Наука не знает ответа на такие вопросы. Волей-неволей приходится выводить проблему качественной методологии из жизни профессионального сообщества.

Возникновение «качественной методологии» можно трактовать как симптом аномалии в институциональной структуре науки. Нормальное состояние дисциплины предполагает достаточно высокую степень согласия ученых относительно проблем, методов, предмета исследования, а также норм поведения — всего того, что делает человека науки предсказуемым и налагает на него определенную дисциплинарную ответственность. Р. Уитли показал, что когнитивная институционализация предполагает существование элементарных ролевых ожиданий в сфере получения и демонстрации знания [24]. Чем выше степень согласования подобных установок, тем более соответствует дисциплина критерию «парадигмальности».

Возникновение новой идеи не устраняет необходимости

внутренней экспертизы для идентификации ученого. Чистая наука потому и считается чистой, что мало зависит от «внешней экспертизы», например, интересов публики или «спонсоров». Когда наука не претендует на чистоту, профессионал становится непосредственно зависимым от клиента: даже то обстоятельство, что различные виды довольствия адресуются не научному сообществу в целом, а непосредственно специалисту в виде гонорара, делается в данном случае принципиальным. В таких условиях возникает тысяча возможностей для фабрикации новых «парадигм» и «методологий», рассчитанных на внешнюю экспертизу непосвященных. В качестве цели экспертной деятельности здесь выступает эффективное предложение на рынке услуг, не исключаяющее рекламы, эксцентрики, блефа и всего того, что предусматривает искусство маркетинга.

Научная дисциплина, ориентированная на знание, не являющееся само по себе продажным, но обладающее «обслуживающим компонентом» (в смысле Т. Парсонса и Н. Сторера [25]), — а именно такой «обслуживающий компонент» заключает в себе социология, — должна каким-то образом дифференцироваться от профанного контроля и установить зоны знания, различающиеся по степени профессиональной аутентичности. Речь идет об организации эшелонированной обороны от вредного воздействия среды, в том числе от мнимых методологий, которые присущими им средствами добиваются признания в научном сообществе, воспринимая его в силу привычки как фрагмент рынка. Отсюда следует, что «качественная» методология и аналогичные неординарные методологии, возникшие вследствие попустительства плюралистов в науке, порождают не научные, а квазинаучные конфликты. Нарастание таких конфликтов свидетельствует не о становлении новой «парадигмы» (подобные рассуждения в данном случае не более чем рекламный трюк), а о разрушении социальной организации научной деятельности и утрате базовых ценностей, на основе которых осуществляется научное признание [26].

Одна из таких базовых ценностей — отношение к фактам как представителям универсальных рациональных категорий. Знание отделяется здесь от конкретной ситуации и личности ученого, приобретает самодостаточность, не требуя внешнего оправдания ни со стороны авторитета, ни с точки зрения «пользы». Можно без труда идентифицировать многие разновидности «качественной» методологии как шарлатанство, обратив внимание на то обстоятельство, что ее применение предполагает определенный дар, которым якобы обладает личность «нового ученого». Как пронизательно заметил Дж. Саймон, «исследование случая» — один из типичных примеров «качественной» методологии — зависит от природного остроумия, здравого смысла и воображения субъекта, занимающегося научной работой. Здесь исследователь «создает свою процедуру по мере того, как продвигается вперед» [27]. К этому можно добавить, что воображение часто превозмогает здравый смысл и влечет искателя истины «по ту сторону шкал» — в область экстраординарного знания, открывшегося благодаря феноменальным способностям «нового ученого». Некоторую трудность представляет дисциплинарная легитимация визионерства в науке, но и она преодолевается в заданном стиле.

Одну из версий теоретического обоснования экстрасенсорной методологии представляет «обоснованная теория», которая опирается на концепцию «теоретической чувствительности», сформулированную Б. Глейзером в 1978 г. [28]. Суть концепции заключается в обнаружении исследователем такого качества своей личности, как способность осознать внутренние «тонкости» (subtleties) в данных. Подобная изощренность зависит от начитанности автора, его научного опыта и представляет собой, в конечном счете, способность к озарению. «Именно теоретическая чувствительность позволяет развернуть теорию, которая обоснована (grounded), концептуально насыщена и хорошо интегрирована, — и осуществить это быстрее, чем при отсутствии чувствительности», — пишут А. Стросс и Дж. Корбин [29, р. 41—42].

Способность к «теоретической чувствительности» практически неотличима от способности к ясновидению. Экстрасенс и хиромант тоже умеют развернуть концептуально насыщенную теорию быстрее, чем, например, «рутинный» врач-клиницист, у которого нет ничего, кроме квалификации и дипломов.

«Теоретические» (обоснованные) экстрасенсы в социальных науках тоже не выступают против традиционных методов, а, наоборот, в числе источников чувствительности указывают литературу, профессиональный опыт, личный опыт, аналитический процесс, что позволяет, по их мнению, поддерживать баланс между творчеством и наукой [29, р. 42—45]. Действительно, трудно возразить против баланса между творчеством и наукой, но «баланс» между наукой и антинаукой — совсем иное дело. Профессионалу нечего делать в одной аудитории с ясновидцем. Ясновидцу же необходимо находиться рядом с профессионалом в качестве паразита и использовать видимое демократическое устройство научного сообщества для демонстрации своей «дискуссионной точки зрения», сколь бы малограмотна и невежественна она ни была. Замкнутость на личном иррациональном опыте, не поддающемся контролю и проверке, сближает «качественную» методологию с антинаукой, направленной против идеала объективности (феномен антинауки подробно рассмотрен в докладе Дж. Холтона [30]). Естественно, что результаты применения «качественной» методологии к изучению одной и той же проблемы будут каждый раз качественно различаться, так как они уникальны. Конечно же, речь идет не об отдельных «качественных» методах — этнографическом описании, участвующем наблюдении, анализе документов и т. д., а о «качественной методологии» как альтернативном проекте групповой солидарности в социологической науке. Цель данного мероприятия — демонстрация личной заслуги изобретателя. Если социология являет собой область, открытую для подобных мероприятий (концентрация сверхценных идей здесь превышает нормальный уровень), то следует признать, что нормы научной рациональности и объективности препятствуют ее развитию и вся она превращается в «качественную» квазидисциплину, создаваемую по поводу различных «случаев» под прикрытием риторического декора. «Случай» здесь — не более чем мистификация, цель которой — продемонстрировать «жизненность» конкретных описаний и «безжизненность» статистических распределений.

«Качественная атака» на традиционную методологию научного

исследования предпринимается не впервые и воспроизводит, по сути, одну и ту же надуманную дилемму: наука или жизнь? В начале нынешнего столетия эта дилемма совершенно недвусмысленно интерпретировалась Г. Риккертом как напряженное противостояние «жизненности» и жизненно разумного начала: «Только тот, кто в состоянии подавить в себе движения жизни, может быть назван культурным человеком, и поэтому только там есть объективные культурные блага, где они составляют в известном смысле противоположность жизненности жизни... Надо до известной степени "убить" жизнь, чтобы прийти до культурной жизни с ее самостоятельными ценностями» [31]. Сформулированная столь жестко, неокантианская методологическая установка не оставляет возможности примирения науки с «жизнью». Когда в 1968 г. по данному поводу пришлось высказаться П. Лазарсфельду, он ограничился указанием на то, что ни один учебник по электричеству не в состоянии передать все величие грозы [32]. Суть дела практически исчерпывается осмысленным дистанцированием научной дисциплины от «жизни».

В своих претензиях передать «величие грозы» «качественные» методологи требуют своего воспризнания в качестве научных сотрудников, а не мастеров слова, что, впрочем, тоже предполагает дистанцирование от «жизни». В литературном творчестве существуют сложившиеся каноны «социальной» прозы, в том числе очерка и бытописания, и непрофессиональному литератору рассчитывать здесь на воспризнание не приходится. Иное дело — разыгрывать роль «писателя» в социологии. В отличие от физиков, математиков и биологов, занимающихся художественным творчеством на досуге, социологи имеют возможность превращать свои досужие творческие искания в точку зрения, более того, в «парадигму». Особенность «качественной» парадигмы в данном случае заключается в ее нарочитой двойственности и неуловимости, цель которых — избежать взыскательной профессиональной экспертизы и в то же время обрести видимость дисциплинарной легитимности. Эта видимость достигается апелляцией к одной из версий «жизненности» — «случаю».

Как показала Дж. Платт, традиция «исследования случая» восходит к стилю деятельности социального работника, который был обязан, кроме всего прочего, выявлять и изучать «случаи» и «дела», требующие вмешательства общественности. В начале века сами эмпирические исследования ассоциировались с социальной работой, а не с социологической наукой. Только в конце 20-х годов социологи стали систематически заниматься сбором данных для своих научных исследований [33]. По крайней мере, эмпирическая социология отчетливо отделяла себя от общественной деятельности. Сегодня некоторые руководители крупных социологических школ сделали своим основным занятием внесение сознания в «случаи» массовых народных движений, назвав это «методом социологической интервенции» [34].

В принципе, нормальная социологическая наука не отвергает «качественную» методологию при условии, что эталон нормальности задан «жесткой» методологией. В этом отношении конструктивным представляется резюме В.А. Ядова: «Кто не чувствует себя "на коне" в классических методах исследования, тот вряд ли достигнет успеха

в использовании гибких приемов. Просто потому, что будет введен в заблуждение их как бы "нетребовательностью" к математико-статистическим и жестко формализованным процедурам, каковые, несомненно, остаются базисом достоверного научного знания. Правильный подход, следовательно, заключается в том, чтобы разумно использовать разные стратегии исследования и знать пределы разумных допущений в каждом случае» [35]. Легко сказать: знать пределы разумных допущений! Гибкие приемы на то и существуют, чтобы устанавливать пределы там, где хочется.

Когнитивная рациональность и «конец современности»

«Качественные» претензии получают видимость эпистемической легитимности благодаря тому, что релевантность наблюдений устанавливается в контексте теории — затруднение, известное в литературе как тезис Куна—Фейерабенда. На языке постструктурализма это означает: истинность и осмысленность высказывания определяются дискурсивно, в процессе коллективного производства смыслов, и ни одно «сообщество дискурса», ни одна традиция не могут похвастать преимущественным доступом к трансцендентальным основаниям и универсальным истинам. От невозможности установить Иерархию дискурсов, предпочесть одну языковую игру другим — общепризнанных симптомов постмодерна — можно без труда перейти к позитивному, безоценочному пониманию «идеологии». *Большая Наука* Нового времени распадается на совокупность самореферентных дискурсов, слабо связанных условием взаимной коммуникации и обладающих обоснованностью и убедительностью «идеологии» в пределах лишь собственной традиции и своего сообщества. Безыскусность фактов, не сумев совладать с этим открытием, в очередной раз уступает место в науке воле и представлению. Завершение современности «тематизируется» как выбор между двумя интеллектуальными манерами: признать процессуальный кодекс дисциплинарно организованного знания и основанные — в конечном счете — всего лишь на доверии нормы когнитивной рациональности (так принимаются к исполнению процессуальные нормы при установлении квалифицирующих признаков вины) или избрать жанр интеллектуальных бесчинств и принять участие в массивной атаке на теоретический дискурс и кумулятивистскую — «количественную» — традицию в науке.

Вызов, именуемый себя постмодернизмом, декларирует отказ от деспотии «Закона» и «Каузальности», находя новую эпистемическую перспективу в «социальном порождении реальности». В основе «порождающих структур» — коммуникативных практик, лишившихся поддержки фактов, обнаруживаются «Идеальная игра», «Гиперреальность», «Совращение». Говоря о подобном отношении к реальности как о «качественной» традиции, не стоит забывать, что эта традиция уже изжита сартровской «Тошнотой». Да и посягательства на принцип реальности не будут восприниматься столь фатально — нужно лишь помнить о том, что свободная игра знаков и / смыслов ограничена не только властью и интересом, но и прагматическим контекстом использования языка. Если вопросы об истинности или, скажем, подлинности неуниверсальны и применимы

не ко всяким «объектам дискурса», следует ли думать, что такие вопросы вообще бессмысленны и являются частью всемирно-исторического заговора Современности?

Немаловажно и то обстоятельство, что тематический репертуар и сама интонация постмодерна явно рассчитаны на удовлетворение вполне определенных вкусов читающего бомонда. Как бы там ни было, нельзя отрицать зависимость «качественного» жанра от публики, не имеющей специальной профессиональной подготовки, хотя риторические фигуры, типичные для жанра, исполняются виртуозно. «Это теоретическая фантастика (theory fiction), которая не похожа ни на что появлявшееся ранее», — так оценила газета «Либерасьон» книгу Ж. Бодрийяра «Совращение» (1979). Теоретик постмодерна исходит из того, что человечество вступает в эру финальных решений, когда снимаются различия между явными латентным дискурсами: поверхностный дискурс выпускает наружу глубинный порядок, подменяющий очарование и иллюзию видимостей, чтобы лишить их силы. Видимости в конечном счете оказываются не пустяками, а удобными случаями для игры и ее ставок, а также страсти к девиации — совращению самих знаков, а это более существенно, чем возникновение самой истины. «Истина — это то, что должно подвергнуться совращению» [36].

Последствия постмодернизма для социальных наук не столь очевидны, как для культуры, где на смену модернистской картине репрезентации содержаний через знаки — или реального через символическое — приходит постмодернистский «образный» способ означивания, крнтрдискурсивный язык желаний, ландшафта и тела. Несомненно, особая «социология постмодерна» (или «постмодернистская социология») — это проект, которому не суждено быть реализованным. Но те идеи и интеллектуальные «вызовы», вокруг которых строится обсуждение проекта, ждут ответа. Вот только «качественная методология» едва ли будет здесь полезна. Ученый необратимо лишается почетного статуса «жреца чистой интеллектуальной функции». Автономия сферы знания с трудом выдерживает натиск мощных полей власти и — параллельно этому процессу — гарантировавшая ученому автономии формальная рациональность уступает место субстантивной, содержательной рациональности. Власть больше не нуждается в легитимации со стороны науки. Достаточно ли этого, чтобы забросить за шкаф академическую мантию и вместо скучного аполлонического дискурса предаться дионисийскому буйству? Или все же стоит сохранять верность собственной традиции и ее нормам (теперь уже вполне добровольно, без всякой внешней санкции)? Здесь нелишне вспомнить, что даже тот, кто первым разоблачил «волю-к-знанию» как силу, враждебную «воле-к-власти», и увидел жизнеразрушающий потенциал «рабской морали» ученого, все же не считал последнего совсем уж бесполезной фигурой: «Объективный человек есть орудие; это дорогой, легко портящийся и тускнеющий измерительный прибор, художественной работы зеркало, которое надо беречь и ценить...» [37]. Под влиянием постмодерна существенно меняется тематический репертуар социологической методологии. Речь идет не только об образовании новых периферийных областей знания, например, «софт-методологии», но, скорее, о тотальной экспансии «совращения» в корпус науки и

создании некой разновидности паразитической критики с гуманитарных позиций. Все это происходит на фоне lamentаций о репрессивной роли научного знания как формы власти. «Совращение» к тому же сопровождается претензиями на чудесное постижение повседневности без использования «мертвых» технических средств измерения и анализа данных. И все же, в действительности «количественная» и «качественная» социологии не являются эпистемологическими альтернативами, либо конкурирующими парадигмами. Дискуссия о преимуществах «качественного» либо «количественного» подхода бессмысленна и — отчасти поэтому — неизбежна. Ясно и то, что эта неизбежность не является достаточным основанием для так называемого «методологического плюрализма», несмотря на очевидное преобладание плюрализма в исследовательской практике. Синтез полюсов мнимой смысловой оппозиции не нуждается ни в каких обоснованиях и осуществляется в сфере паранауки, набирающей силу в условиях кризиса рациональности, когда, как заметил Дж. Холтон, наука находится в обмороке самосознания.

Литература

1. Sorokin P. Social and cultural dynamics. Vol. 1. New York: American Book Company, 1937. P. 10.
2. Lazarsfeld P. Qualitative analysis: historical and critical essays. Boston: Allyn and Bacon, 1972.
3. Лакутин О.В., Толстова Ю.Н. Качественная и количественная информация в социологии // Социологические исследования. 1992. № 8. С. 72.
4. Halfpenny P. Positivism and sociology: explaining social life. London: George Allen and Unwin, 1982.
5. Oakley A., Oakley R. Sexism in official statistics // Demystifying social statistics / Ed. by J. Irvine, I. Miles, J. Evans. London: Pluto Press, 1979. P. 172—189.
6. Richards L, Richards T. The transformation of qualitative method: computational paradigms and research processes // Using computers in qualitative research / Ed. by N. Fielding, R. Lee. London: Sage, 1991.
7. Pollok F. Empirical research in public opinion // Critical sociology: selected reading / Ed. by P. Connerton. New York: Penguin Books, 1976. P. 225—236.
8. Pawson R. Measure for measures: A manifesto for empirical sociology. London: Routledge, 1989.
9. Silverman D. Telling convincing stories: A plea for cautious positivism in case-studies // The qualitative-quantitative distinction in the social sciences / Ed. by B. Glassner, J. Moreno. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 57—77.
10. Cicourel A. Method and measurement in sociology. New York: Free Press, 1964.
11. Schwartz H., Jacobs J. Qualitative sociology: A method to the madness. New York: Free Press, 1979.
12. Denzin N. The research act in sociology. London: Butterfield, 1979.
13. Hammersley M., Atkinson P. Ethnography: principles in practice. London: Tavistock, 1983.

14. Kirk J., Miller M. Reliability and validity in qualitative research. Beverly Hills: Sage, 1986. P. 37.
15. Feleppa R. Cultural kinds: Imposition and discovery in anthropology // The qualitative-quantitative distinction in the social sciences. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 119—153.
16. Plummer K Documents of life: An introduction to the problems and literature of a humanistic method. London: George Allen and Unwin, 1983.
17. Blalock И. Basic dilemmas in social sciences. New York: Sage, 1982.
18. Mitchell]. Case and situational analysis // Sociological Review. 1983. Vol. 31. No. 2. P. 187—211.
19. Девятко И. Ф. «Вспомогательные теории измерения» в американской эмпирической социологии // Социологические исследования. 1990. № 9. С. 118—126.
20. White W. Streetcorner society. Chicago: The University of Chicago Press, 1943.
21. Platt J. Cases of cases... of cases // What is a case? Exploring the foundations of social inquiry / Ed. by Ch. Ragin, H. Becker. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
22. Roth P. Meaning and method in the social sciences: A case for methodological pluralism. Ithaca: Cornell University Press, 1987.
23. Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня // Хейзинга Й. Homo ludens; В тени завтрашнего дня / Пер. с нидерл. В.В. Ошиса. М.: Прогресс, 1992. С. 328—335.
24. Уитли Р. Когнитивная и социальная институализация научных специальностей и областей исследования / Пер, с англ. // Научная деятельность: структура и институты. М.: Прогресс, 1980. С. 218—256.
25. Парсонс Т., Сторер Н. Научная дисциплина и дифференциация науки. Пер. с англ. // Научная деятельность: структура и институты. М.: Прогресс, 1980. С. 34—35.
26. Merton Я Theory and social structure. Glencoe, 111.: Free Press, 1957. P. 550—561.
27. Simon J. Basic research methods in social science. New York: Random House, 1969. P. 267.
28. Glaser B. Theoretical sensitivity. Mill Valley, CA: Sociology Press, 1978.
29. Strauss A., Corbin J. Basics of qualitative research: Grounded theory procedures and techniques. Newbury Park: Sage Publications, 1990.
30. Холтон Дж. Что такое «антинаука»? / Пер. с англ. А.В. Толстова // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 27.
31. Риккерт Г. Философия жизни: Изложение и критика модных течений философии нашею времени / Пер, с нем. Е. С. Берловича и И.Я. Колубовского Петербург: Academia, 1922. С. 136.
32. Лазарсфельд П. Измерение в социологии // Американская социология, перспективы, проблемы, методы / Пер, с англ. В.В. Воронина, Е. В. Зиньковского. М.: Прогресс, 1972. С. 146.
33. Platt J. «Case study» in American methodological thought // Current Sociology. 1992. Vol. 40. No. I. P. 19.
34. Турэн А. А. Введение к методу социологической интервенции / Пер, с франц. Н. Марушкиной // Новые социальные движения в

России: (По материалам российско-французского исследования). Вып. 1 / Под общей ред. Л. Гордона, Э. Клопова; Сост. Е. Груздева и Г. Козлова. М.: Прогресс-Комплекс, 1992. С. 10—19.

35. Ядов В. А. Стратегия и методы качественного анализа данных // Социология: методология, методы, математические модели. 1991. № 1. С. 30.

36. Baudrillard J. Seduction // Trans. by V. Singer. London: Macmillan, 1990.

37. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Прелюдия к философии будущего / Пер. с нем. Н. Полилова // Ницше Ф. Соч. в двух томах / Сост., ред. и автор примечаний К.А. Свасьян. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 329.